

Пощелкивал мороз. Над головою
Тысячезвездно трепетала мгла
И потому казалась мне живою.
Пока я проходил свою версту
До школьного порога, тьма редела –
И звезды ускользали в пустоту
И в немоту, которой нет предела...

На радость гомонящей детворе,
Снег шелестел, как листья, под шагами
И зеленел на утренней заре,
А возле школы яблоневый сад,
Разбитый два десятка лет назад,
Приветственно покачивал ветвями.
И был иконописен каждый лик
Светлан, Татьян, Марий и Вероник,
Внимавших мне с прилежною тоскою,
Но Николай, Никита и Андрей,
Не смахивали на богатырей,
Зевая над онегинской строкою...

В деревне я считался чужаком,
Поскольку был по корню горожанин.
И потому еще казался странен,
Что говорил на языке таком,
Который был неясен и который
Им было постигать не вмоготу.
Они платили тою же монетой,
Не делая из этого секрета,
И я в конце концов почти привык,
Что, если им хотелось, чтобы *некто*,
Кому обычай местный не знаком,
Не понял подоплеки разговора, -
Для достиженья нужного эффекта
Они переходили на язык,
Вернее же, на здешнее наречье,
Казавшееся мне почти чужим...

Над крышами ветвился сизый дым
И пропадал в заголубевшем небе...

